

УДК 78.071.1

doi: 10.17223/26188929/9/12

ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ: ЖИЗНЬ КОМПОЗИТОРА

Недавно своё 60-летие отметил известный российский композитор Владимир Пономарёв – профессор кафедры теории музыки и композиции Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского, член Союза композиторов России, председатель Красноярской региональной организации Союза композиторов России, лауреат Всероссийского конкурса композиторов, кавалер ордена Святого благоверного князя Даниила Московского, регент красноярского Свято-Троицкого храма, автор более 150 произведений в различных жанрах. Мы встретились с юбиляром, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Владимир Валентинович, Вы помните свои первые музыкальные впечатления?

Не могу сказать в каком возрасте. Может, когда ещё не родился. Но в семье все пели, а отец играл на всём, что попадалось ему в руки. Помню радио, которое висело у нас в прихожей и всегда было включено – таково было распоряжение властей. Из него раздавались замечательные советские песни и инструментальные мело-

дии Александра Цфасмана (это я уже потом узнал). Помню очень яркое впечатление от какой-то детской сказки, которую нам давали послушать в детском саду в записи на виниловой пластинке – там меня очень сильно взволновала гармония звучащей музыки. Это – если говорить обо всём самом первом.

– Расскажите немного о Вашей семье. Был ли связан с музыкой кто-то из Ваших близких?

Мои родители не имели к искусству отношения. Они – железно-дорожники. Но оба были очень талантливыми людьми, одарёнными просто во всех художественных сферах. Отец, кроме незаурядных музыкальных способностей, еще хорошо рисовал и писал стихи. Однако моему старшему брату и старшей сестре родители не разрешили профессионально заниматься искусством. Его они профессией не считали. И это несмотря на то, что сестра очень ярко заявила о себе в театральной студии – как подающая надежды актриса, а брат даже успешно сдал экзамены в художественное училище. И тем не менее...

Когда стать музыкантом решил я – родители отреагировали так же. Но тут взяли слово брат и сестра: вы нам не разрешили – сказали они – так позвольте хоть ему заниматься любимым делом! И я поступил в Красноярское училище искусств.

– В связи с Вашим юбилеем нельзя не вспомнить Ваших педагогов. Кто из них оказал наиболее сильное влияние на Ваше творчество?

Мне везло на педагогов. Я об этом много рассказывал. Коротко скажу так: моими педагогами всегда были лучшие из тех, кто был в это время в этом месте. В Красноярском училище искусств – Фёдор Веселков, старейший красноярский композитор, у которого я проходил гармонию и занимался сольфеджио, Борис Плотников, очень эрудированный человек, родившийся и учившийся в Харбине, – у него я занимался музыкальной литературой, а во внеурочное время слушал современную музыку из его коллекции записей. В консерватории – Аскольд Муров, крупнейший композитор Сибири. Были и другие, но я назвал самых важных для меня педагогов.

– Как принимал Ваши сочинения Аскольд Фёдорович?

Мы не всегда с ним ладили. Я уже много раз рассказывал историю, как мы поконфликтовали на четвёртом курсе из-за моего трио, в котором в первой части я сделал что-то вроде модели древнерус-

ского строчного пения в семизвучном ладу. Ремарок не было, но он всё понял. «Что это за молитвы? – сказал он мне тогда, – смычки работать должны! Иди, переделай!» Но я переделывать отказался. В тот момент я уже не один год глубоко изучал церковное пение, хотя и не афишировал это – на дворе был ещё воинствующий атеизм. Я ему тогда ещё и надерзил, изрядно разозлив. За трио я получил тройку – два поставить было нельзя, форма-то была выполнена! Шёл 1983 г. В 1984 я закончил с четвёркой – сказался упомянутый конфликт, а в 1988 приехал поступать в аспирантуру. Страна только что отметила 1000-летие Крещения Руси, атеизм закончился. Все ринулись в храм, а композиторы начали что-то писать для обихода – но это не делается просто так! Для этого нужно быть человеком церковным, и я им уже был! В Красноярске уже успел побыть певчим и даже немного регентом церковного хорового ансамбля. И вот я пришёл к Мурову в класс, сказал, что приехал поступать в аспирантуру, он очень обрадовался. «А что ты сейчас пишешь?» – спросил он. «Я пишу Всенощную» – ответил я. «Ах, как здорово! А я как раз сейчас пишу Литургию» – отреагировал он. Это было забавно...

– Более тридцати лет Вы занимаетесь педагогической деятельностью. За это время было подготовлено больше десятка лауреатов конкурсов различных уровней – от региональных до международных. За счет чего Вы добиваетесь таких результатов? Помогает ли в этом опыт общения с Вашими учителями? Как складываются дальнейшие судьбы учеников, какие пути они выбирают?

Знаете, я не хотел быть преподавателем композиции! Я отказывался брать учеников-композиторов, тем более что у нас было кому их учить – в Красноярском институте тогда работал профессор Проститов Олег Леонидович, классный композитор и хороший педагог. А я сам про себя понимал, что таким шефом студентов, каким был Муров, я вряд ли стану. Педагогом-то он был просто исключительным, редким! Но Проститов уехал – и студенты достались мне. Конечно, я в них «вкладываюсь» как и должно быть! А результат получается такой, какой получается... Они сами молодцы! На дальнейшую их творческую судьбу повлиять уже сложнее. Впрочем, это относится и к нам, музыкантам старшего поколения, также. Многое зависит от везения...

– Давайте вспомним Ваш дебют. В каком зале это было? Какое сочинение исполнялось?

В неафишном концерте это было... году наверное, 78-м. Я учился в училище, и на каком-то концерте сыграл своё «Скерцо». В афишном концерте это было в 1979 г. Я был на первом курсе консерватории, мне было девятнадцать. В Новосибирске проходил XII Пленум Сибирской организации СК РФ. Мою только что написанную сонату для фагота и фортепиано включили в камерный концерт...

– Владимир Валентинович, часто ли Вы встречаетесь с исполнителями Вашей музыки?

А как можно не встречаться с исполнителями? Скажу больше: самый лучший творческий результат бывает тогда, когда исполнитель твой друг. У меня много таких друзей. Что касается музыки для вокального ансамбля – её я сам пел со своим квартетом. Там было – полное взаимопонимание. Могу сказать, что все местные хоры (ну, или почти все) – также мои друзья. Я говорю – «хоры», а не хормейстеры, потому что лично всех хористов – и они мои друзья, поскольку кого-то я учил, а с кем-то вместе пел. Я ведь сам всю жизнь пою в разных хорах и ансамблях, начиная лет с восьми... Но хормейстерского о, как правило, знаю образования у меня нет. В училище я учился на теоретическом отделении, а консерваторию заканчивал как композитор и музыковед.

– Совсем недавно Вы завершили работу над первым актом оперы «Белая гвардия», которую начали много лет назад. Чем вызвано Ваше обращение к этому жанру? Каковы дальнейшие перспективы?

Оперу писать я не собирался. Тем более «Белую гвардию», тем более в 1990 году... Кому бы тогда была нужна такая опера? Впрочем, я не уверен, нужна ли она кому-то и сегодня... Но в девяностом я просто купил на распродаже томик Булгакова с романом и пьесой, стал читать – и зазвучала музыка! Я написал тогда три, или три с небольшим фрагмента. «Поток» музыки приостановился – и я был этому даже рад. Написал бы я тогда всю оперу – и ходил бы и мучился от того, что она никому не нужна!.. Потом, во время отпусков, когда что-то перечитываешь, что-то пересматриваешь, – у меня добавлялись к этим фрагментам другие, а сейчас – просто потоком пошло... Уверен, что все подумают, будто бы причиной был киевский майдан – Булгаков ведь сто лет назад написал словно про наше время! Но я бы сказал, что причиной был... короновирол. Время появилось, и не просто для того, чтобы сесть за стол с нотной бумагой, а ещё и для того, чтобы продумать всё неспешно. А когда в голове уже всё сложилось – процесс писания идёт быстро. Про перспективы я ничего сказать не могу. Покажу в театре, может, и не в одном. У меня есть миди-файл целой законченной картины из четырнадцати номеров. Его – как и ноты – можно и по интернету куда-то отправлять для знакомства.

– Вами написано огромное количество хоровой музыки. Чем обусловлено такое предпочтение? По какому принципу Вы выбираете поэтическую основу для своих сочинений? Это какой-то конкретный круг авторов?

Про хоровое пение я уже немного говорил. Сам пою, и сейчас продолжаю петь вместе с хоровым ансамблем нашего Свято-Троицкого собора, которым я руковожу. Звучание хора – постоянно у меня в голове, поэтому часто бывает так: открываю поэтический сборник, читаю – и слышу музыку. Так возникают хоры. Наверно поэтому их написано больше, нежели сочинений других жанровых сфер. Что касается авторов стихов – я много стихов читаю, и читаю постоянно. Кто зазвучал – записываю... Ну, оставлять один написанный хор неприлично, поэтому дописываю как правило ещё один-два номера на этого же поэта, чтобы был цикл.

– У Вас три сборника собственных стихотворений. Вы пишете музыку на свои стихи?

Музыку на свои стихи пишу редко – не звучит. Потому не звучит, что энергию отдал уже, и стихи – как это и с музыкой бывает – отторгаются и существуют уже сами по себе... Но когда проходит несколько лет, и я что-то своё перечитываю – иногда звучит. Но это скорее исключение.

– Вы являетесь регентом красноярского Свято-Троицкого собора с 1994 г. Какое место в Вашем творчестве занимает церковная музыка?

На написание богослужебных церковных песнопений я получил благословение ещё в 1989 г., когда для вновь созданного хора – он создавался для нашего кафедрального собора – владыка Антоний благословил меня написать концертное сочинение. Я тогда написал упомянутую «Всенощную». Ну и с тех пор периодически что-то пишу... Написано уже довольно много... Песнопения издавались, да и в рукописях тоже – разлетелись по всей России. Одно песнопение недавно в Германии было издано...

– В каких ещё жанрах Вы пишете музыку? Много ли у Вас симфонических произведений?

Симфонической музыки у меня немного. Причина – банальна! Дирижёры, которые меняются за пультом нашего оркестра, не благоволят к нам, местным авторам. Эту с позволения сказать «тради-

цию» основал ещё покойный Иван Шпиллер. О нём у нас принято говорить только в превосходных степенях, но упомянутое пренебрежение по отношению к нам, исходившее от него, – факт. И давайте не будем считать, что я говорю плохо о покойнике. Для культуры Красноярска он много сделал, с этим никто не спорит, однако теперь и другие дирижёры, становящиеся к нашему оркестру, под самыми разными предложениями стараются избегать включения нашей музыки в свои программы. Она, конечно, звучит – но от фестиваля к фестивалю, с периодичностью примерно раз в семь-восемь лет. В этой связи мне вспоминается Новосибирск, в котором я провёл восемь лет своей жизни. Там главный дирижёр новосибирского оркестра, покойный Арнольд Кац, несколько раз в сезон обязательно играл новосибирцев. И делал это очень корректно. Чтобы не оттолкнуть публику, он перемешивал авторов в своих программах. Программа могла выглядеть, скажем, так: Хачатурян, Прокофьев, Муров. Или так: Шостакович, Свиридов, Иванов. (Напомню: Муров и Иванов – крупные новосибирские композиторы.) В результате, новосибирских композиторов все знали, а сейчас мы имеем очень много записей их симфонической музыки. Симфонии Мурова – записаны все. Симфонические опусы Иванова – все...

С камерной музыкой лучше. Её у меня больше по причине, о которой я говорил: среди музыкантов-камерников много моих друзей. Они хотят играть мою музыку – и я для них пишу. То же относится и к вокальным сочинениям. Но самая благоприятная ситуация у меня была с вокально-ансамблевой музыкой. В конце девяностых и начале нулевых я работал в Красноярской филармонии с профессиональным вокальным квартетом, для которого писал и аранжировал. Написал две «Тетради мадригалов» и много чего ещё... Записи потом попали в несколько компакт-дисков, и в интернете они есть. «Мадригалы» – одно из самых удачных моих сочинений, и в плане качества музыки (там есть вещи, которые я мог бы назвать почти безупречными), и в плане исполнения. Послушайте! Записи – доступны!

– В нашей новейшей истории было много переломных моментов, которые все мы пережили. Как Вы себя ощущали, когда за окном менялось государство, менялся политический строй – и вообще наступала новая эпоха? Может ли это влиять на

творческого человека? На Вашем творчестве это как-то отразилось?

Да, но не в том смысле, что я вышел на улицу и встал под чьи-то флаги. Помню путч. Утром на продовольственном магазине появились одни листовки, в обед – висели уже другие... Помните классика? Всё это было бы смешно, когда бы... В Москве стреляли по Белому дому... Многие красноярцы тогда ринулись в Москву отстаивать демократию на баррикадах, как они об этом говорили, а я – писал Троицкий концерт на текст Кондака Святой Троицы о нисхождении Святого Духа «егда снизшед языки слия...». Причём, начал я его писать ещё до этих событий. Мне как будто сигнал пришёл: нужна молитва! На Россию нисходит Святой Дух, она становится другой! Могу привести и другие примеры, когда в такой эпохальный момент мне вдруг «случайно» (я в случайности не верю) попадалось нужное стихотворение, например гумилевское

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.*

Я написал хоровой концерт на это стихотворение (здесь приведена только одна строфа).

– На Ваш взгляд, какое место занимает композитор в современной культуре и социуме?

Позволю себе каламбур. В современной культуре – как и в культуре прошлого – композитор по-прежнему занимает важное место. А вот в социуме... Это – вопрос. У нас, в «реестре профессий Российской Федерации» сегодня даже нет такой профессии – композитор! Впрочем, и в советское время, когда в упоминутом «реестре» такая профессия была, и сейчас, сегодня – мы все являемся, как я в шутку говорю, композиторами через запятую. В дипломе у меня написано: «...и присвоена квалификация композитор, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин». Вот преподаванием мы все и занимаемся! А остальное – как повезёт. Но в советское время (если закрыть глаза на идеологический диктат) – была мощная господдержка творческих людей, правда, только членов творческих союзов... Сейчас она частично возвращается – и это радует.

– Вот уже много лет Вы являетесь председателем Красноярской региональной организации Союза композиторов России. Каковы планы и проекты отделения в предстоящем году? Что уже сделано и получило резонанс?

Планы красноярской организации? Устраивать концерты! Делать премьеры! Я говорю так общо потому, что всё сдвинулось, и конкретику озвучить сейчас никто не сможет. Если же говорить о том, что уже сделано, – перечислить можно многое, но один артефакт есть возможность реально поддержать в руках: это сборник вокальных сочинений членов нашей организации. Он долго не мог выйти по всяким причинам, но сейчас наконец появился. В нём романсы и песни шестнадцати авторов! В их числе есть такие сочинения, которые давно уже известны. Есть просто шедевры... Короче, эта музыка давно должна была быть изданной, и вот это произошло. Многие из того, что мы опубликовали в этом сборнике, можно послушать на интернет-архиве «Классика онлайн».

– Что бы Вы пожелали будущим композиторам?

Будущим композиторам я бы пожелал только здоровья. Творчество отнимает очень много сил и нервов!

– А какие у Вас личные творческие планы?

Личные творческие планы? Сплавиться по реке Мана, позагорать на заливе Красноярского моря... Там, может, и напишу что-нибудь.

– Наверняка многих читателей интересует вопрос: где можно послушать Вашу музыку и почитать Ваши труды?

Самая обширная подборка записей моих сочинений выложена в упомянутом уже архиве «Классика онлайн». Там, кстати, есть персональные страницы всех наших композиторов. Была большая подборка моих записей в «Рутрекере», однако он сейчас полулегален. Про другие интернет-ресурсы ничего сказать не могу – не знаю... Но говорят, что есть записи на разных сайтах... А чем я занимаюсь как музыковед можно увидеть, почитав статьи, которые выложены на нашем ресурсе «Академическая музыка Сибири». Конечно, у меня много бумажных изданий, но до них ещё добраться нужно. Одно, впрочем, назову. Это – «Певческая хрестоматия», пособие по многоголосному сольфеджио на материале церковных песнопений разных эпох и стилей. Оно стало довольно востребованным в музыкальных вузах...

Ольга Дюжина